

Ответный ход

Август – начало сентября 1911 г.

Киев.

В августе 1911 г. Киев готовился к открытию памятника Александру II, все ожидали приезда Царя и его свиты. В Киевское охранное отделение был вызван двадцатичетырехлетний студент из богатой семьи Мордко Богров.

28 августа в Киев приехал П.А. Столыпин.

В это время он отдыхал в Колноберже. Хотя отдыхом это было назвать трудно, так как большую часть времени он проводил за новым проектом очередных реформ, который по некоторым высказываниям его автора должен был превзойти предыдущие преобразования.

Еще живо было разочарование марта 1911 г., когда Дума провалила голосование о земствах в западных губерниях с представительством национальных курий. После этого Столыпин подал в отставку, прямо заявив Царю, что правые ведут страну к гибели, считая, что нового законодательства уже не требуется, надо просто управлять ей такой, какой она есть. Николай II отставку не принял, но, подумав, сказал: «А может они и правы? Ведь революция закончилась, и побеждена она навсегда».

Настроение у Столыпина было тяжелым, он боялся, что и этот проект не будет поддержан ни левыми, ни правыми. Мало того, его недоброжелатель В.Ф. Трепов открыто заявил ему, что царь на этом законопроекте не настаивает. Окончательно устав от интриг Дурново, Трепова и Витте, глава Правительства переехал из Зимнего дворца в свою резиденцию на Фонтанке.

Прибыв в Киев, Столыпин обнаружил, что ему не была заказана карета и он даже хотел воспользоваться простым извозчиком, но городской голова предоставил ему свой экипаж. Вскоре выяснилось, что ему не предусмотрено место в свите Николая II. Столыпин окончательно понял, что скоро ему предстоит отставка. В беседе со своим шурином А.Б. Нейгардтом Петр Аркадьевич заметил: «Мой авторитет подорван, меня подержат сколько будет надобно для того, чтобы использовать мои силы, а затем выбросят за борт». Ему не суждено было знать, что судьба решила управиться с ним не простой отставкой: одна из попыток покушений на него когда-то должна была завершиться самым печальным образом. Случайно или нет, Распутин, увидев Столыпина в Киеве, завопил «Смерть за ним!.. Смерть за ним идет!..». Толпа в ужасе отпрянула и от экипажа Распутина, и от экипажа Столыпина.

Ответный ход

* * *

Мордко Мордехаевич Гершкович (Богров) родился в январе 1887г. в Киеве. Левый радикал с конца 1906 г. состоял в киевской группе анархистов-коммунистов, но вскоре разочаровался в ее деятельности и предложил свои услуги киевской охранке. Охранка нарекла его кличкой «Аленский» и положила оклад 150 рублей в месяц, на которые молодой человек мог жить безбедно и даже помочь родителям. Хотя отец его – богатый киевский адвокат, в помощи сына не нуждался, но желал видеть в нем своего приемника – процветающего юриста.

В 1905 г. Мордко поступил на юридический факультет Мюнхенского университета, где увлекся идеями анархизма, но в 1906 г. вернулся в Киев и продолжил учебу в Киевском университете, который и закончил в 1910 г. После этого он отправился в Санкт-Петербург, где сблизился с эсеровскими боевиками. Питерские боевики знали, что М. Богров одержим стремлением убить П.А. Столыпина. По его признанию он «стал отчаянным неврастеником», все ему «порядочно надоело и хотелось выкинуть что-нибудь экстравагантное», а один из его киевских товарищей-анархистов вспоминал о Мордко, как о человеке, который «никогда не был просто веселым, радостным, упоенным борьбой и риском, он серо и нудно делал дело. Я не удивлюсь, – говорил он, – если в таком мрачном состоянии он покончит жизнь самоубийством».

Накануне визита Николая II в Киев в городское охранное отделение явился Мордко Богров. В охранном отделении М. Богров сообщил Н.Н. Кулябко, что к нему явился некий Николай Яковлевич с заданием убить Столыпина, что ему, Мордке, он поручил следить за всеми передвижениями главы Правительства.

С этим известием Кулябко явился на доклад к товарищу министра внутренних дел и командиру корпуса киевских жандармов П.Г. Курлову, которому была поручена охрана царя и его свиты, затем переговорил с А.И. Смридовичем и М.Н. Вергиным. Жандармы перетряхнули весь Киев, но никаких следов Николая Яковлевича не обнаружили и меры по усилению охраны Столыпина приняты не были. Посчитали, что за информацией Богрова скрывается какой-то тайный умысел, так как охранка знала, что смысл своей жизни тот видит в убийстве Столыпина.

Было известно, что положение главы Правительства в глазах Царя и высшего петербургского света настолько подорвано, что в случае чего Кулябко и Курлову будет всего лишь инкриминирована халатность. Тем

Ответный ход

более что из Петербурга сообщили, что никакого Николая Яковлевича в кругах террористов не существует.

После переговоров с Курловым Кулябко вновь вызвал к себе Богрова.

– Одиннадцатого числа в театре дают оперу в честь Государя. – Сказал он, – хотите, Мордко, посетить театр? – И вручил Багрову билет.

Мордко знал, чем закончится его визит в оперу, поэтому накануне написал прощальное письмо родителям: «... Все равно бы я кончил тем, чем сейчас кончаю», – хладнокровно завершил он свое последнее послание.

1 сентября в киевской опере давали «Сказку о царе Салтане». В перерыве П.А. Столыпин беседовал с министром двора В.Б. Фредериксом и графом И. Потоцким.

Кулябко стоял недалеко от них и осматривал зал. Он убедился, что вся охрана на месте. Вдруг среди публики мелькнула фигура Богрова. Да, это действительно был Мордка, он медленно продвигался к сцене, где стоял Столыпин. Кулябко нашел глазами Курлова и понял, что тот тоже наблюдает за Богровым. Курлов сделал знак Кулябко не предпринимать никаких мер и только наблюдать.

– Владимир Борисович, – обращаясь к Фредриксу, грустно продолжал разговор Столыпин, – вот еще: привязались к вагонам, хотят все вымазать в черный цвет, даже название придумали – «стольпинские вагоны», как будто это душегубки для заключенных. И не хотят знать, что вагоны эти были задуманы для крестьян-переселенцев в Сибирь. В обычных товарных вагонах мы стали с торцов оборудовать помещения для скотины и инвентаря. Кому от этого, скажите на милость, было плохо? А что до осужденных, то, уж если крестьянам было удобно, то им и подавно надо радоваться.

В этот момент Петр Аркадиевич обратил внимание на приближающегося к ним молодого человека, но что-то интуитивное екнуло у него внутри и он более внимательно осмотрел приближающегося.

Когда Богров приблизился к Столыпину на расстояние двух-трех метров, их глаза встретились. Столыпин увидел в них тупую ненависть и понял, что это та самая смерть в облике молодого человека, которая пришла по его душу и о которой кричал Распутин. Теперь ни Столыпин, ни Богров уже не видели ничего вокруг, только глаза друг друга. Мордко не волновался в решительные минуты перед выстрелом. Только кончики пальцев чуть похолодели и по спине пробежал легкий озноб, как у охотника, увидевшего перед собой обреченную добычу и внутренне радуясь предстоящему успеху. Внутри Мордко все затихло в ожидании рокового действия, даже пульс не участился, а, наоборот стал биться реже, как бы отсчитывая последние мгновения. И вот он настал последний миг, еще один шаг и грохнул выстрел, за ним другой. Петр Аркадьевич вначале не почувствовал боли и не осознал, что это были

Ответный ход

выстрелы в него. Увидев кровь на кителе, он хотел было вытереть ее, но шок прошел, и он стал оседать на пол, только и прошептал: «Я рад умереть за царя».

Мордка бросился бежать к выходу, где попал в руки охраны, оцепенение у которых к этому времени уже прошло. Толпа накинулась на убийцу и стала жестоко избивать его, пока жандармы не вырвали и не прикрыли юношу своими спинами. После наведения порядка в зале оперы и окончания антракта царь вернулся в свою ложу, хор исполнил «Боже, царя храни», и опера была продолжена.

Столыпин был срочно отправлен в клинику, где 5 сентября скончался. Согласно завещанию, он был похоронен в Киево-Печерской лавре.

Процесс над Мордкой Богровым был быстрым, без лишних разбирательств и церемоний: через три дня его повесели. Об этой казни ходили разные слухи. Часто приходилось слышать: «Убийца казнен подозрительно быстро, как если бы боялись, что он скажет слишком много».

Рассказывали так же, что он без посторонней помощи достаточно легко взошел на эшафот, осмотрел виселицу и, обращаясь к палачу, как-то буднично спросил: «Любезный, ну что вы там возитесь? Пора бы, уж». А, когда палач надевал ему на голову петлю, спокойно и даже с безразличием поинтересовался: « Не поднять ли голову выше, чтобы было удобнее?» Видавший виды палач настолько был ошарашен, что выбивая табурет из под ног обвиненного чуть не промахнулся.

На Курлова, Кулябко и иже с ними было заведено дело, но по распоряжению Царя его прикрыли, а виновные отделались потерей своих должностей за ротозейство и непрофессионализм.

Смерть П.А. Столыпина была больше, чем простое убийство одного из высших чинов царизма, последующие годы подтвердили: то печальное обстоятельство, что с уходом Столыпина Россию, хотя еще продолжала питать энергия реформ, но монархия уже лишилась последней мыслимой для нее опоры. Не Богров, а сам царь и его камарилья всей своей политикой фактически украли у России новую эпоху и открыли простор для самых темных сил, которые только и ожидали времени, когда они смогут выйти на свет и в нужный момент не преминули этим воспользоваться.

Ответный ход

*Из отчета Совета Съездов
представителей промышленности
и торговли о мерах к развитию
производительных сил России
и улучшению торгового
баланса на 1913 год (представлен
Правительству).*

... В сельском хозяйстве, в самой системе землепользования начался громадный переворот, результаты которого пока еще только намечаются, но не поддаются учету. В промышленности после целого ряда лет кризиса и застоя начался сильный подъем и оживление.

Успешное развитие этой деятельности возможно лишь при условии предоставления широкого поприща личной инициативе и при отсутствии ограничений, тормозящих частные начинания.

Торговый баланс России... за последние 30 лет носил неизменно положительный характер... При нашей общей хозяйственной отсталости и громадной заграничной задолженности факт этот имел, несомненно, большое значение для международного положения России.

Лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен.

Сельскохозяйственный труд в России не только дает необходимые стране пищевые продукты, но ежегодная производительность этого труда превышает ныне 9 миллиардов рублей, сельхозпродукты являются главным предметом нашего заграничного вывоза. По количеству сельхозскота России принадлежит одно из первых мест в ряду государств Европы и Америки. Очевидный подъем происходит в условиях неустойчивого климатического развития...

* * *

Ночная прохлада уже растаяла и воздух начал постепенно прогреваться, обещаая теплый, солнечный день, когда Евстафий Кузьмич вышел на крыльцо и увидел мужиков, сидевших на корточках в кружок у сарая и тихо смоливших свои сигарки. Завидев Кузьмича, они встали, поздоровались.

– Евстафий Кузьмич, поехали, что ли? Мы уже по второй покурили.

Накануне он сговорился с соседскими о цене подвод и погрузки сена.

– Мужики! Вы ежайте на луга, а я следом за вами, там молодец из Сенниц будет и сын мой, с ними начинайте погрузку. Кто среди вас старший?

Встал соседский бородач.

Ответный ход

– Ты, Гаврилыч?

– Я.

– Ну, как договорились: погрузим сенцо, приедем назад, здесь и рассчитаемся. Вы меня знаете, не обману.

Гаврилыч поглядывал на мужиков и смущенно переминался с ноги на ногу.

– Гаврилыч, ты чего? Что-то не так?

– Кузьмич, здесь вот какое дело: некоторые из наших хотели бы похмелиться, сам понимаешь, без похмелки работа не работа, настроение не то.

– Василиса, – крикнул Кузьмич в открытую дверь. – Похмели соседей, дай огурчиков малосольных, луку покрупнее, хлеба и мяса вылови из щей, да горчички не забудь, чтобы их пробрало по самое некуда. – При этом Евстафий Кузьмич сдержанно и с пониманием улыбнулся.

– Уже несу, родной, несу, – отозвалась Василиса, которая как знала, что без этого не обойдется.

Мужики, увидев такой расклад, обрадовались, заулыбались, захихикали: «Вот, Кузьмич, свой человек, с пониманием».

– Ладно, ладно вам, ожили, – с напускной серьезностью пожурил их Кузьмич, – все бы вам пить и похмеляться. Закончите к полудню, на обед щами и кашей гречневой накормлю, а если покупатель будет недоволен – взыщу. Вы меня знаете. Поспешайте, некогда рассусоливать, – сказал напоследок Евстафий и ушел в дом.

Пока Василиса подавала мужикам, он прошелся по избе, заглянул на кухню, в печку, из которой еще шел жар, пропитанный запахом гречневой каши, чугунок с которой стоял уже с краю, и каша в нем напаривалась. Взял ухват, повертел его в руках и снова поставил в угол. Большую тряпку сложил в несколько раз, подхватил чугунок с гречкой и понес на стол. В это время в избу вошла Василиса.

– Ты уже командуешь, Евстафьюшка? С чем будешь кашку? Может, с маслом топленным или с молоком?

– Дай жижицы из щей. Где-то они у тебя там? На кухне ими попахивает.

Василиса подала большую кружку бульона со щей. Миска с ложкой и хлеб уже были на столе, накрытые чистым полотенцем. Перед тем, как вылить бульон в миску с гречкой, Евстафий поинтересовался, хватит ли щей накормить мужиков?

– Всем хватит, аккурат подьедят. А мы лапшицу куриную похлебаем. И чего это ты надумал курицу с базара притащить? Своих, что ли мало?

На обратном пути Василиса прихватила из печки медный чайник и две чашки. По запаху в нем отчетливо проявлялся зверобой.

Ответный ход

* * *

Ехать Евстафию Кузьмичу предстояло недолго. Выйдя за околицу и преодолев ручеек, он вступил на дорогу, которая тянулась вдоль общинных полей до затерявшегося среди них озера, тихо дремавшего под теплыми лучами солнца и мерный шелест высокой осоки. Уже за ним начинались тучные до недавних пор луга, а к этому времени уже с вычищенной как бритвой вторым покосом травой. Лишь концы некоторых полос, сиротливо спускавшиеся до самого озера, оставались нетронутыми, обрекая траву на высыхание и зимнюю прелость под снегом.

– Что за хозяева такие, – с досадой подумал Кузьмич, – как может трава не годиться в хозяйстве, и ведь по сути хорошая трава? А ведь на сходе будут бубнить, что их бедность от нехватки земли. От нехватки ума все их злоключения и лени, а лень от того, что уже с утра самогонку пьют, а зимой у них с голоду скотина дохнет. Это каким же нужно быть человеком, чтобы довести до того, что корова не имела бы сил с голоду сама стоять и ее через пузо в корсете подвязывают к потолку, а кормить ветками деревьев и кустов, как козу какую?

По всему лугу были разбросаны стога успевшего хорошо просохнуть душистого сена, вокруг которых суетились люди и стояли подводы. Все спешили скорее убрать его, пока оно не пересохло или не намокло под случайным дождем, тогда – беда.

Вдоль озера росли редкие, но кряжистые раскидистые ивы. Под одной из них Кузьмич обнаружил «рыжего», дом которого стоял недалеко от его дома. Подъезжая к иве, он заметил, что кто-то метнулся в кусты, видимо не желая встречи с Кузьмичом, где и притих до поры. «Рыжий» ловил рыбу и не только: из под тряпочной сумки, разложенной рядом, торчал «хвост» зеленого лука, огурцы и помидоры. Сама же сумка имела характерное вздутие, выдавая тем самым спрятанную четверть.

– Здорово, Евстафий Кузьмич, а я смотрю, кто это едет, и не сразу признал тебя.

– Здорово, коль не шутишь, а я наоборот, издалека тебя, Ероха, признал. Еще удивился, думаю, что ты можешь делать здесь в такое время? Все село на лугах сено убирает, а ты, значит, рыбку ловишь.

– Так приболел я, Кузьмич, головокружение и тяжесть в ногах замучили. Иной раз перед глазами мухи черные летают, а то круги желтые плывут.

– Плохи твои дела, Ероха. Помнится, на посевной кости у тебя ломило, и слабость напала. Значит, решил на солнышке подлечиться, – сказал Евстафий

Ответный ход

Кузьмич и нарочито посмотрел на сумку, показывая, что четверть самогона он усмотрел. – Тебе бы к врачу надо.

– Да я обращался, что толку от них? Он, вместо того, чтобы осматривать меня как следует, все нос морщил и отворачивался. Ему, видите ли, дух из моего роту не понравился. Ну, выписал он мне пилюли и микстуру, а по утрам, говорит, надо делать гимнастику на свежем воздухе. Лекарства наказал пить месяц, после чего опять показаться к нему. Представляешь, руками размахивать гимнастикой я буду на смех всему миру. Плюнул я на слова его. У меня свое лекарство имеется – самогоночкихватишь стаканчик, оно, вроде как, и полегчает. А сено-то скосил, дружбаны помогли.

После этих слов Ероха вскочил и, не отходя в сторону только что отвернулся спешно, густо и вонюче омыл траву.

– Видел я твой покос. Так, порвал травы клочьями, считай треть осталась, – брезгливо отворачиваясь, поддел его Кузьмич. – И не до конца косил. Края, что к озеру подходят, не покосены. Чем скотину-то зимой кормить будешь?

– А чего их косить? Трава там – одни будылки торчат, только косу о них обивать. Не хватит кормов, так я половину скота на базар отведу, – Ероха обтер руки об штаны, понюхал и вновь разлегся на бугорке.

– Помнится, коня-то ты уже продал. Трава там у тебя действительно не Бог весть какая. Загодя надо было клеверов в нее добавить. Вот и был бы толк, а лебеду вырвать и сжечь. Ты, вот что, Ероха, уступи мне свой недокос.

– Как это? Так вот просто, взять и уступить?

– Почему «просто»? Я заплачу, много не дам, сам говоришь: одна лебеда торчит. Посмотрим, как получится, а там сочтемся. Так что, по рукам? Я уже кое с кем договорился, завтра с утра будем обмерять.

– Ну, давай, что ли. А не обманешь?

– Разве я когда кого обманывал? Это не в моих правилах, отвечаю.

– Ладно, завтра приеду на ту сторону озера к старой ветле.

В это время кусты зашевелились, и из них показалась красная рожа с неухоженной бородой и нечесаной шевелюрой. Глаза блестели пьяной веселостью и наигранной, опять же ненормальной, доброжелательностью.

– Ба..! Не уж-то сам Петька-говорун, – Кузьмич вроде как с неожиданностью встретил появление известного на селе бездельника и пьянчужку, дружбана Ерошки, Петьку Мочалова, прозванного «говорун» в насмешку за то, что, слушая его казалось, что он не знает русского языка. Когда он пытался что-то рассказывать, то строил всяческие рожи от недостатка слов размахивал руками и, при этом, глупо улыбался и навязчиво всматривался в глаза слушавшего его, как бы ища в них поддержки. При этом его основной словарный запас составляли междометия и вопросы. Начав

Ответный ход

фразу, часто ее не договаривал, а глядя собеседнику в глаза, долго и растягивая «а», мычал что-то невнятное, ища подходящие слова, потом бубнил, побуждая слушавшего его самому закончить эту фразу. У кого нервы были покрепче тоже тупо смотрели на него и ждали, когда же он закончит, слабонервные начинали гадать, чего он хочет сказать, и если угадывали, то приводили Петьку в восторг. Он начинал радостно улыбаться, повторяя: «Ну, вот!», «Точно», «Вот, вот!» Несколько раз за такую нервотрепку он получал в лоб, после чего смиренно затихал и в разговор до следующего раза уже не лез. Смолоду он отличался вредным характером, за что несколько раз был бит его же друзьями, но с тех пор не поумнел, а с годами его дурь становилась все более нетерпимой и постепенно его перестали приглашать в компании, но нормально говорить он так и не научился.

– А я вот того, – Петька показал рукой на Ероху, – сам понимаешь, тоже.

– Выходит, – иронично отозвался Кузьмич, – ты тоже хвораешь? – и еще раз посмотрел на сумку.

– Да, то ничего, а здесь... Ну, как назло. Кузьмич, ты это, чего с ним? – он опять показал на Ероху и заговорчески скорчил очередную рожу.

– Чего? Ты на счет чего?

– Ну, как чего? Сено-то? Я-то ничего не знаю. Я бы тоже. А-то ведь, – он махнул рукой в сторону озера, – того самого.

– Чего, того самого?

– Как чего? Ты вот чего говорил Ерошке? – Петька замолчал и уперся в Кузьмича своей придурковатой вопрошающей улыбкой, ожидая, когда тот сам догадается к чему он клонит.

– А, – догадался Кузьмич, – ты хочешь свой недокос сторговать.

– Вот! – радостно развел руками Петька. – Я бы, эта, всегда. А то жалко. Чего ж ему? Ну, ты понимаешь, – Петька опять расплылся в улыбке идиота. – Стоять-то? А здесь чего ничего, но все-таки, – Петька густо закашлялся. В груди у него все хрипело, он начал отплевываться и сморкаться во все стороны. Потом опять зашелся в кашле, слезах и соплях, а когда в очередной раз он сопливо чихнул, то не выдержал и с треском испустил злой дух.

Евстафию Кузьмичу вся эта словесная тягомотина изрядно надоела, а от вида кашляющего «говоруна» чуть не вырвало.

– Наш разговор ты слышал, так что давай подъезжай с Ерохой. Утром на месте и разберемся, а еще лучше идите ужотко вечером к Гаврилычу. Он составляет список. Да зовите еще людишек, у кого недокосы.

Кузьмич подтянул поводок уздечки и, не прощаясь, поехал дальше.

«Вот ведь придурки, – думал он, – семьи живут впроголодь, а они рыбку ловят и водку жрут. Привыкли жить на подачки общины, а на сходе первые ораторы – все-то у них не так и эдак. Только и орут, передела им подавай.

Ответный ход

Конечно, свою землю загадят, а в обмен им подавай хорошей земли от заботливого мужика. Какая же тут справедливость. Я свою всю зиму унавоживаю, да клевера сыплю, они за одно хорошо лебеду вышибают из почвы. И на тебе, при переделе отдай ее рыжему, а себе бери от «говоруна». Какой-то там справедливости требуют, и слова сразу нужные у них находятся, и вид как у порядочных становится. Однажды договорились Некитаевых жечь, мол, хватит им «кровососам на крестьянском горбу бодрствовать». А те сами на картошке да капусте с грибами еле перебиваются, потому как от таких дармоедов, как эти «говоруны», ничего не получают. И ведь что обидно, по ним обо всех нас так судят, русскими свиньями зовут, считают всех бездельниками. Э-эх, бяда. Хотя чего там говорить, их в каждой деревне хватает. Да... Россия всегда богата была ленивыми, к хозяйству непригодными людьми, от них все зло нашей деревне, того и гляди нас тоже кинутся громить и жечь. Надо же расплодилось, как кара Небесная на нашу голову. Вот за что только, непонятно?

– Евстафий Кузьмич, – услышал он, – может на дорожку с нами по стаканчику?

Кузьмич даже не оглянулся на это приглашение, только досадливо сплюнул: «Щас, я с вами дармоедами еще и пьянствовать буду. Нашли себе приятеля. Ты приходи ко мне на луг, помоги накосить да убрать сено, так я тебя вечером сам угощу и, глядишь, выпью за кампанию.

– А..!?! Какой? – язвительно произнес рыжий, – брезгует. «Лечиться, – говорит, – надо». Не хочу я лечиться и так проживу, а ты горбаться, если хочешь. Видал, Петька? Все готов к рукам прибрать, даже бросовую траву, кому она нужна? Жадный и деньги любит. А мы люди другие – простые, нам много не надо, как птичкам поклевать немного и ладно. Это им богатеям все бы жрать в три горла, а мне не завидно, пускай обожрут, не жалко. Мы-то с тобой, Петька, вот отдыхаем, на природу смотрим, красота-то какая кругом. Глядишь еще и рыбки наловим, а нет, так вечером мурцовки наведем и ладно, авось перебьемся. А он пусть по полям гоняет зимой и летом, к вечеру небось с устатку и пироги в горло не полезут. Ну, ты чего прохлаждаешься, не наливаешь? – рыжий сдернул сумку с харчей, разложенных на траве.

– А что, надо? Может, эта, потом?

– Чего потом? Почему потом? Потом кот с хвостом. Наливай.– рыжий нервно взял бутылку, налил водки в стаканы. – Давай, ишь ты, даже не обернулся. Была б моя воля я таких «кузмичей».... – Ероха замолчал, вышел и погрозил вслед Евстафию Кузьмичу кулаком.

– Вот, – блестя округлившимися глазами, воскликнул Петька. Он на секунду задумался, разглядывая стакан. – Ну, ладно, – и махом залил содержимое стакана в рот. – Забористая, – сморщился он.

Ответный ход

* * *

Когда Евстафий Кузьмич приехал на луга, погрузка сена там шла полным ходом. Гаврилыч деловито отдавал команды. Завидев Кузьмича, подскочил к нему.

– Так, что, Евстафий Кузьмич, три подводы уже погрузили и отправили в Сенницы. К полудню, как договорились, отправим и эти.

– Сколько погрузили хорошо подсчитали?

– Не изволь беспокоиться, у сына твоего все прописано в блокнотике. А вот и он сам.

– Как дела сынок?

– Да вроде бы все нормально, но если бы затянули денек, то сено могло бы пересохнуть.

– То-то я смотрю, вся деревня сегодня на лугах.

– Вся, да не вся. Смотри, некоторые полосы пустуют.

– Видал я сегодня их хозяев.

Подошел с улыбкой Митяй и весело поздоровался.

– Погодка сегодня хороша, как раз для такой работы.

– Да и сено под стать, – отвечивал Кузьмич. – Ну, что здесь получается?

– Три подводы полной мерой загрузили.

– Жерди положили, затянули хорошо?

– Известное дело, порядок знаем. Мои-то подводы поменее твоих будут, Евстафий Кузьмич. Полную меру не вопрешь, может, умерим? Боюсь кабы в ростиславском овражке не перевернуться.

«Ишь ты, хитрец, – подумал Евстафий, – на мелочь и то хочет меня надуть. Погрузит меньше, а управляющему скажет – аккурат. Барыш – себе в карман. Не будет же управляющий сам пересчитывать? Определенно этот малый мне нравится. Хозяйственный. Но и меня на мякине не проведешь».

– Не переживай, мои мужики утрамбуют. Не впервой. А остаток получится, я его сам отдельно погружу и дополню до нормы, а завтра пришлю кого. Ты, главное, деньги готовь. Привез?

– Конечно.

– Пошли под телегу в тенечек, подсчитаем, – Кузьмич показал на телегу, уже погруженную и ждавшую отправки.

Мужики сноровито, со знанием дела вели погрузку. Двое снизу вилами на длинных ручках захватывали сено рассчитанным движением, не мешая друг другу, и посылали его на повозку, точно кладя его в ряд так, что принимающим наверху только и оставалось подстраховать его посадку и

Ответный ход

уплотнить, чтобы по дороге копна не болталась, а плотно лежала на телеге, и отдельные клочья сена не вылезали по бокам и не сыпались на землю. Для этого каждая последующая подача укладывалась в половину на предыдущую к центру и, в конечном итоге, получался замкнутый, самоудерживающийся ряд.

Тем временем наши «купцы» завершили свои расчеты и остались довольны собою и друг другом.

– Ну, что, Митяй, сена ты заготовил отборное, полное клевера на корм скотине, но ее не только кормить надо. Зимой, особенно лютой, нужно много сена на подстилку. Мое сено жалко, да и удовольствие это дорогое. Могу предложить тебе сенцо обычное, более дешевое. Себе буду тоже брать, бери и ты, не пожалеешь. Только ты не думай, что я хочу тебе всучить не пойми что. У меня в Коломне в артиллерийском полку такой заготовитель есть: все скупит, что не предложи, но в Коломну далеко везти.

– Так зачем же сено гнать на подстилку? Солома вполне сойдет.

– Солома-то подойдет, скоро овес убирать, ее вдоволь будет. Но, имей в виду, многие солому знают как бросовый товар. А это не так. Овсяная солома хороша, я бы сказал необходима тоже на корм. В ней столько всего полезного, что молоко становится не только жирнее, но и вкуснее. То-то же. Ты думаешь, отчего же у всех хозяев молоко, сметана да масло разные. Все от того, кто как кормит корову. Молоко, оно от корма зависит.

– Уговорил, Евстафий Кузьмич. Сноповозки надо готовить.

– Да уж, здесь простой телегой не обойдешься в нее меру снопов в сто не воткнешь.

– Ты прям, как ученый рассуждаешь.

– Ученый, не ученый, а так оно от жизни идет. Разница в том – одни хотят учиться уму-разуму, другие нет. Им говори не говори как об стенку горох. У них один ответ: «Да ладно, как-нибудь образуется, и так сойдет, чего зря суетиться». Потом охают, ахают, почему у них все наперекосяк, а у соседа все так справно, да еще и завидуют. Давай так решим. Завтра я траву скошу, к воскресенью, Бог даст, она высохнет, скопню ее. Ты в воскресенье вечером заскакивай ко мне, посмотрим сколько сена получилось, сговоримся по уму, а в понедельник вывози.

– Хорошо. Если наш Обрехт даст «добро», я согласен.

– А ты к управляющему с уважением, подмажь, угости при удобном случае.

– Это уж, как водится, Рудольф Юльевич у нас мужчина строгий, к нему так просто не подъедешь, чуть что почувствует не так, с головой уроет. Вот Петра Петровича барыня, Мария Александровна, ведь с его слов в участок сдала.

Ответный ход

– Ну, хорошо, будем считать, что по этим делам сладились. Теперь вот, что – на носу опять же уборка картошки. Я прикинул, что в этом годе хорошей картошки будет вдоволь и семенной хватит на будущий год. Многие обрадуются и мелочевку убирать не станут. Так вот я у них эту мелочь скуплю, часть себе оставляю, а часть тебе продам – скотину кормить. Зерна-то не напасешься, а напарить его с картошкой будет как раз. Свины к зиме будут и мясные, и жирные. А свиной жир везде нужен – тут тебе и картошку пожарить, и шкварок натопить к гречневой каше, и макаронцы сдобрить тоже будет неплохо, не все же коровье масло расходовать. К тому же – соленое сало, без него нельзя. Зимой с хлебушком и луком как навернешь где-нибудь на вырубках в лесу, так после этого топор в руках не чувствуешь, только щепки летят в разные стороны. Чувствуешь, сколько возможностей я тебе предлагаю, к зиме деньги только на этом считать перестанешь. А на зиму-то, глядишь, чего еще придумаем. А хочешь, – Кузьмич, как бы в азарте и между делом, расправил большим пальцем свои пышные усы, – невесту тебе сыщу?

Митяй от неожиданности чуть не поперхнулся собственной слюной.

– Ну, Евстафий Кузьмич, ты даешь. И невесту? А что, я о хорошей девке давно подумываю, только у нас в Сенницах всех хороших уже растащили, покуда я в солдатах был, остались одни кривые и рябые.

– Ну-ну, – довольно, кончая разговор, закрихтел Кузьмич. – Ты в воскресенье-то не позднись, часам к пяти вечера приезжай, вот и потолкуем.

Евстафий Кузьмич и Митяй расстались довольные друг другом и своим сговором. Кузьмич думал: «Вот подфартило. То с отцом его Иваном Митрофановичем, Светлой памяти, иной раз удавалось оторвать от богатой хозяйки, а теперь и сынок у кормушки ходит. Только, что этот Рудольф всю жизнь под ногами путался, его действительно на козе не объедешь. Капризный как девка. Немец он и есть немец, одно слово не наш человек. И хочет своровать, да боится, как бы не попасться. Все равно когда – никогда, а попадетя, хоть на какой мелочи, но непременно попадетя. Не может же он ни приворовывать, такого не бывает, непременно втихомолку приворовывает, хоть и немец. Они тоже люди».

Митяй был доволен, что судьба свела его с Евстафием Кузьмичом, о котором он слышал, как первом на всю округу деревенском богатее, справном хозяине и деловом, справедливом человеке, который, как шутили над ним, «ветер шапкой поймает».

«А что, – думал Митяй, – с любого дела умеет «левый» рублик слупить. Так и молодец, а мне есть чему у него поучиться. Лет-то ему немало, а говорят, ни разу не промахнулся, никто недовольства о нем не выказывал. Аккуратный черт, – хмыкнул Митяй. – Ишь чего удумал: женить меня решил. Такой ведь и женит. Надо к воскресенью рыбакам стерлядки наказать, пускай

Ответный ход

наловят и карасиков с наших прудов, да лещей килограмма по два накопят. Гостинец ему будет. Он сразу поймет, что я в расположении к нему. Хозяйке его орехов лесных прикажу корзиночку набрать, они это любят, и она поймет – уважительный, мол, новый знакомец Кузьмича. И ее расположение, глядишь, пригодится».

* * *

По дороге домой Евстафий Кузьмич заехал в кузницу, о чем-то договорился с кузнецом. Потом поехал к старосте обсудить с ним ремонт дороги. Так что домой он вернулся к обеду. А к окончанию обеда аккурат и мужики с поля вернулись. Со двора в открытое окошко он услышал голос Мишки:

– Пап, а пап! Мужики с покоса пришли. Тебя зовут.

– Скажи им, что сейчас выйду. Пусть подождут в тенечке под яблонькой, – отозвался Кузьмич. – Василиса! Щи-то у тебя не простыли? Поди покорми мужиков, да наливай им в большую общую миску, нечего баловать. Сорганизуй еще чего, что положено в этих случаях. Водку я отнесу сам.

– Не беспокойся, Евстафьюшка, все будет в лучшем виде. Мужиков не обижу.

Евстафий Кузьмич вылез из-за стола:

– Пока я хожу, попейте-ка, молодежь, кисельку с баранками.

– Миш, – обратился Евстафий Кузьмич к сыну, – ты работал с ними, как они тебе показались?

– Работали справно, не лодырничали, да у Гаврилыча не пошалишь. У него все просто: кулаком в морду или пинка под задницу и вон с покоса. Мужики его слушаются.

– Это хорошо, вот, что значит пьянствовать бросил, после столыпинских указов, так начал расти как на дрожжах. На хутор, говорят, хочет выселиться. Скоро он так оперится – не узнаешь, а в безделье чуть с катушек не сошел от пьянки.

– Есть один у них «Коротышка», так тому принимать сено наверху – голова кружится, подавать внизу – руки короткие. Ну, поставили на подборку, так там у него вообще сердце стало заходиться. Сачок, короче. Ну, Гаврилыч как рывкнул на него и обещался прогнать, тот сразу замолчал и вроде как выздоровел.

Мужики расселись под яблоней, кто на скамейке, кто на корточках привалился к теплой стене сарая.

– Что, господа хорошие, все закончили?

– Так точно! Все: ни клочка в поле не оставили.

Ответный ход

– Хорошо, Гаврилыч, смотри, под твою ответственность, – Кузьмич поставил на стол чуть початую четверть самогона и положил бумажную сумку со стаканами. Стаканы, как положено, дружно звякнули, как бы докладывая, что они здесь и готовы исполнить свое предназначение.

– Тогда давайте считать, – сказал Кузьмич и полез в карман за деньгами. – Плачу за всю работу на круг, а вы уж сами делите, как договаривались, минус мои харчи. Так?

– Все так, – ответил за всех Гаврилыч.

Пока Кузьмич расплачивался, подошедшие Василиса с Анютой накрывали на стол. Евстафий Кузьмич расплачивался с Гаврилычем, а мужики в спешке рассаживались вокруг стола: кто-то взял сумку и раздавал стаканы, кто-то уже вцепился в бутылку и спешно начал розлив, кто-то делил шмоток сала, остальные разбирали огурцы, резали большими дольками лук и макали его в солонку. У всех горели глаза в томительном приготовлении.

– С Богом, мужики, – наконец сказал Евстафий Кузьмич, – пока пьете и закусываете, у меня еще есть один разговор к вам.

Вид у мужиков был такой, что, казалось, Кузьмича никто уже не слушает. Однако, Гаврилыч, хрустнув луком, все же заинтересовался:

– Давай, Кузьмич, я тебя слушаю.

– Вот какое дело. Некоторые мужики не докосили свои полосы и возле озера по нескольку метров бросили. Я договариваюсь с ними докосить эти концы, заплатить им сколько надо за докос, а сено забрать себе. Так вот, на завтра нужны косари, потом два раза на неделе перевероршить, потом собрать и погрузить на повозки как сегодня. Что скажете?

– У меня метров десять до озера остался недокос, – оторвавшись от щей, радостно воскликнул мужичонка, про которых говорят, что «росту в нем – метр с кепкой», а на лице было написано, что ему за бесплатно неохота косить даже для себя.

– Вот это деловой разговор, – обрадовался Евстафий Кузьмич. – Сегодня ко мне в шесть придут мужики, скажут, у кого сколько и где недокоса. Гаврилыч, и ты приходи, будем сговариваться, только лишних людей ко мне на двор не води. Завтра с утра пораньше пойдете к озеру. Думаю, пяти-шести косарей хватит. Сегодня вечером запрягу телегу, сгоняем туда, разметим участки.

– А мне-то, мне-то что делать? – засуетился «коротышка».

– Ты держись Гаврилыча, как он скажет.

– Хорошо, мужики, договорились. Пейте, закусывайте, а у меня дела. Если что, Василису кликните.

От разговоров с мужиками Евстафия Кузьмича отвлек какой-то женский голос, вроде как ругался кто. Оказалось, что по деревне со стороны лугов

Ответный ход

жена Ерошки, вооружившись палкой и бранно причитая, гнала его домой. Судя по всему, кто-то донес ей, что Ерошка пьяный опять ловит на озерке рыбу. Ерошка, зная крутой нрав своей хозяйки, поспешал, чтобы дистанция между ними не сокращалась ближе длины палки. Однако, иногда она исхитрялась достать его, и тогда рыбак-неудачник получал свое по спине, от чего начинал охать и скулить.

– И что же это ты такое только творишь? – молящим, полным боли, слез и соплей голосом вскрикивал он, – за что ж мне наказание такое и срам на всю деревню? Хотел, ведь, как лучше сделать. Сейчас самые караси пошли, думал на жарено порадовать тебя, да и на рыбий супчик с пшеном плотвички набралось бы. А ты меня всякими поносными словами на всю деревню позоришь еще и дрыном по спине охаживаешь. Шишига ты, окаянная!

– Я те дам карасей, ошарашили четверть самогона со своим приятелем-мудозвоном и отсыпаются в тенечке. И меня еще шишигой обзываешь. Подожди, щас придем домой, там быстро разберемся, кто из нас шишига, я тебя там и карасями, и кашей пшенной накормлю. Ты у меня, дармоед, надолго эту рыбалку запомнишь. Все люди как люди, по хозяйству колотются, а они пьяные дрыхнут. Навязался ты на мою голову, один вред от тебя и никакой пользы.

При этих словах она исхитрилась догнать Ерошку и еще раз огреть его, но уже по заднице. Ероха аж присел, охнул, потом вскочил, взмахнул руками и припустил вперед пуще прежнего. Издалека могло показаться, что он пляшет вприсядку.

Ерошка увидел мужиков, Евстафия Кузьмича и решил принять подобающий вид, но нога его попала в колею, и он со всего маха улетел в придорожный куст, снаружи осталась только задница, мимо которой палка жены не могла пролететь, уж больно соблазн был велик. Однако в последний момент несчастная и измученная женщина увидела мужиков у ворот Евстафия Кузьмича.

– Здравствуйте, Евстафий Кузьмич, – поздоровалась она с одним Кузьмичом, – вот видали, – как бы оправдываясь, еле-еле процедила она сквозь зубы. Хотела сказать что-то еще, но не нашлась чего и только отчаянно махнула рукой.

– Ты, прежде чем палкой размахивать, спроси у Кузьмича, – раздался из куста пьяный голос Ерошки, – с утра мы на луга ездили, договаривались о докосу сена вдоль озера. Скажи, Евстафий Кузьмич, – вылезая, наконец, из куста, просипел Ерошка.

Жена так посмотрела на него, что Ерошка понял: сейчас получит и уже не по спине, а аккуратно по голове. Представив себе возможное ощущение, он молча, как солдат, повернулся налево и обессиленный поплелся дальше.

Ответный ход

– Формазон ты рыжий, уже и до луга добрался, ишь чего удумал, сено пропивать, а свою скотину зимой чем кормить будешь? Ты подумал, подумал? Люди за клочок сена зашибут друг друга, а он воз с лишним решил спустить. Вчера коня просрал, сегодня сено решил, это к завтра ты и меня продашь.

– Сама же говорила: «деньги нужны», а здесь они сами в руки идут.

– Я вот тебе эти руки-то щас и поотшибаю, чтобы ты стакан поднять не смог. Ты у меня еще за коня мало получил. Ну ладно, я тебя на одну мурцовку посажу, будешь с голодухи картофельные очистки жрать, тогда поймешь, как скотину разбазаривать и впроголодь держать.

20 декабря 1913 г.

юг Англии,

замок лорда сэра Оливера Соунсвиля

Последний месяц в замке лорда Соунсвиля все были поглощены подготовкой к встрече гостей. Во время этой встречи планировалась охота на лис. Однако она была не главной, а лишь прикрытием конференции «круглого стола», на которую были приглашены влиятельные, но избегавшие публичной деятельности, лица из Франции, России, Германии, Австро–Венгрии и Италии. Конференция должна была состояться как неофициальное мероприятие, а ее участники выступали в роли гостей хозяина замка. Поэтому и место встречи ее организаторы избрали вдали от политической суматохи и журналистской трескотни.

Из Европы на остров приглашенные добирались из порта Гавр или Шербур, что во французской Нормандии и прямым пароходным курсом до порта Саутгемптон на юге Британии. Далее их путь лежал через холмистые долины на поезде до города Фарнборо и на автомобилях до замка сэра Оливера. Путь не легкий, но надежный. Конфиденциальность встречи усиливалась тем, что все они должны были плыть разными пароходами и в разное время.

Первым явился из Германии барон фон Вольф. Сразу же после прибытия он настойчиво просил хозяина безотлагательно принять его по срочному делу, пока другие гости находились еще в пути. Такая встреча состоялась через тридцать пять минут после прибытия барона.

– Как Вы устроились, дорогой фон Вольф, – радушно поинтересовался лорд Соунсвиль, а про себя подумал: «Послала нечистая сила тебя на мою голову, сейчас будет кланчить участия в противоречиях Германии с Францией. Немцы не хотят понять, что эти противоречия неизбежны, они если и не навсегда, то надолго».

Ответный ход

– Спасибо, дорогой сэра Оливер. Устроился прекрасно, у меня из окна великолепный вид на долину с дубовыми перелесками.

– В этой долине состоится наша охота на лис. Сегодня Вы могли бы совершить конную прогулку по ней. Я могу дать Вам в сопровождение моего секретаря Смита, он прекрасный наездник и собеседник, хорошо знающий долину.

– Спасибо, это заманчивое предложение, однако сейчас меня больше беспокоит наша конференция. Мы давно не собирались, и скопилась масса вопросов, требующих обсуждения.

– Я с Вами согласен, барон. Однако нам не следует часто встречаться, это может привлечь внимание посторонних, а проявлять свое участие в европейских делах для нас излишне. В то же время такие встречи необходимы – обстановка настолько сложная последние годы, что правительства не всегда осознают меру своей ответственности и последствия некоторых своих категорических требований в отношении партнеров и противников. В результате возникают конфликты, а выигрывают третьи, часто не желательные стороны. Мы же договорились исходить в своей деятельности не из интересов отдельных сторон, а из общеевропейских интересов, которые требуют поддержания баланса сил, выгодного всем странам.

– Очень правильная постановка вопроса, сэра. Наше беспокойство основано как раз на контексте этой политики. Обратите внимание: Франция жиреет на кредитах и инвестициях в Россию, которая наращивает на них темпы своего промышленного производства и не заботится о том, что это неизбежно ведет к подрыву баланса сил.

Барон фон Вольф понимал, что этот вопрос будет неприятен лорду Соунсвиллю, так как Англия поступала в отношении России таким же образом. Но упоминать об этом в их разговоре считал неуместным. Он знал также, что британское правительство всячески стремится использовать баланс сил, чтобы опираясь на него доминировать в Европе. Избежать вопроса о Франции для фон Вольфа было невозможно, в конце концов ради этого он и предпринял поездку в Соунсвиль.

Сэр Оливер знал, что фон Вольф будет говорить о Франции, но не предполагал, что он так безапелляционно, в лоб поставит вопросы. Для всех были очевидны внутренние механизмы европейской жизни, смысл соглашений Германии, Австро-Венгрии и Италии, основанных на их союзе 1882 г., и их отношений со странами «Сердечного соглашения» 1904–1907 гг. России, Франции и Англии – между двумя группами держав существовало устойчивое противостояние. Поэтому лорд Соунсвиль решил действовать тоже напрямую, но по форме в утешительном для Германии тоне.

Ответный ход

– Дорогой фон Вольф, я думаю, что Ваши опасения чрезмерны. Существует достаточно много способов, чтобы затормозить рост производства в России, а в нужный момент воспользоваться крайними мерами. Сегодня Россия, пользуясь кредитами, все больше и больше попадает в политическую зависимость. К тому же многих в России не устраивают новые веяния в экономике. Я думаю бывший глава их правительства П.А. Столыпин был убит не случайно, это явилось следствием его политики. Обратите внимание, как с его смертью реформы притормозились. Мне известно, что сам Император считает дальнейшие преобразования нецелесообразными, только возбуждающими покой общества.

Беседа лорда Соунсвиля и барона фон Вольфа продолжалась около часа. Они хорошо поняли друг друга, а потому остались недовольными ее результатами. Барон в своей комнате пил херес, курил сигару и долгое время прибывал в раздраженном состоянии из-за того, что ему не удалось склонить лорда Соунсвиля к сдерживанию Франции в отношении России и из-за явной демагогии о балансе сил. «Он считает меня идиотом, несмышленным в делах экономики и финансов, – думал про себя фон Вольф, – хотел увлечь мое беспокойство тем, что Россия, имея большие долги, увязнет в политической ответственности перед державами. Русские не такие чудачки, чтобы подставлять голову под гильотину. Рост их промышленности и объемов торговли хлебом являются гарантом выплаты долгов, чем больше этот рост, тем более безболезненной возврат кредитов. Долги есть у любого государства, вопрос в том, насколько оно способно возвращать их. Россия уже входит в разряд ведущих держав Европы, а скоро еще и будет диктовать свои условия».

Фон Вольф испугался сам своей мысли. Он представил положение Германии, зажатой между Францией с ее союзниками и Россией – то же союзницей Франции. «Ну если такое и случится, то, надеюсь, не скоро. Да в конце концов, как намекнул лорд Соунсвиль, – существуют «крайние меры» обуздания неугодных правительств».

Постепенно херес и успокаивающее потрескивание дров в камине, уютное тепло, исходящее от него, и сигара, расслабляющая нервное напряжение, привели к тому, что фон Вольф ненадолго задремал в глубоком мягком кресле.

Лорд Соунсвиль после того, как его оставил фон Вольф, позвал своего секретаря.

– Смит, позаботьтесь о том, чтобы за столом заседания, да и за обеденным столом, барон фон Вольф и граф Огюст де Жермен сидели подальше друг от друга. Не забудьте, что мы договорились поселить их в разных частях замка. И, вот что, зайдите к барону фон Вольфу и предложите

Ответный ход

ему до обеда конную прогулку в Вашем сопровождении. У Вас ко мне есть что?

– Да, сэр. Шифровка телеграфом из Парижа от князя Шахова.

– Давайте. Вы свободны.

В шифровке сообщалось, что князь прибыть не сможет, так как будучи уже в Париже он получил неожиданное известие, что ему следует вернуться в Санкт-Петербург в связи с делами, не терпящими отлагательства. Подробности князь Александр обещал сообщить позже. «Плохое предзнаменование, – подумал сэр Оливер, – хотя, судя по настроению барона фон Вольфа, может это и к лучшему. Еще неизвестно с чем придет герцог де Жермен. Каков барон? – Думал лорд Соунсвиль, – решил нашими руками задушить Россию. Кто же тогда будет воевать с Германией, когда придет время? А время это – недалекое будущее, война в Европе неизбежна. И когда они будут воевать, мы и Франция сможем решить свои проблемы, а, когда мы их решим, то усмирим и Россию, и Германию, истощенные войной они надолго перестанут быть нашими конкурентами».

В кабинет вошел секретарь.

– Сэр, прибыл граф Энрико-Петруччи де Пенченцио.

– Проводите графа в библиотеку, скажите, что я сейчас выйду, а его багаж отправьте к нему в комнату.

Надо-же, – подумал лорд Соунсвиль, – не рассчитывал, что престарелый граф все-таки соберется, в его-то годы? Значит, наши итальянские друзья серьезно относятся к предстоящей конференции. Конечно, они озабочены союзом Италии и Австро-Венгрии, боятся, что немецкий блок трехстороннего соглашения втянет их какую-нибудь авантюру на правах младшего партнера, а потом Австрия будет домогаться от Италии льгот. Ну, да ладно, эта проблема не первой важности. Участие графа очень кстати. Человек он в наших кругах уважаемый и не только в Европе, но и в Америке у него большие возможности. Он будет хорошим противовесом позиции фон Вольфа, а, значит, и великого герцога Франца фон Фалькенхайна.

Уже через несколько минут сэр Оливер был в библиотеке.

– Дорогой де Пенченцио! Как я рад нашей встречи, мы давно не виделись и мне, порой не хватало Вашего мудрого совета. Как добрались? Как Вам наша погода после Италии?

– Я то же часто вспоминал Вас, дорогой лорд Соунсвиль. Рад тому, что Ваш авторитет в Европе растет, я даже, порой, жалею, что о Вашей деятельности многие не догадываются, а некоторые честолюбцы присваивают себе наиболее удачные Ваши идеи.

Ответный ход

– Помилуйте, граф. Разве ради публичности мы не жалеем сил на благо мира и гармонии человеческих отношений. Не утомило ли Вас долгое плавание?

– Что Вы? Я смолоду закален дальними плаваниями.

– Мы приготовили Вам самую теплую и уютную комнату и, зная Вашу склонность к чтению, близко от библиотеки. Кстати я недавно получил несколько очень интересных книг, в том числе «Историю испанской инквизиции» Хуана Антонио Льоренте. Рекомендую, в книге собрано много нового. Сеньор Хуан Антонио, сам будучи инквизитором и хранителем испанского архива, на мой взгляд, очень верно и по-новому трактует некоторые страницы истории инквизиции и деятельности иезуитов.

Сэр Оливер знал, что граф Энрико-Петруччио в молодости принадлежал к ордену иезуитов и принимал в его деятельности активное участие. «В молодости, а значит и сейчас, – рассуждал сэр Оливер, – граф остается причастным к деятельности ордена».

Рекомендация книги, не была случайной, а являлась одним из звеньев хитросплетений лорда Соунсвиля в дипломатической паутине, покрывавшей Европу в преддверии катаклизмов, в которые втягивали ее державы.

– Я знаю эту книгу, но еще не читал ее, а только заказал, – внешне спокойным тоном отозвался граф Энрико-Петруччио, – с удовольствием почитаю ее в свободное время, а пока мне хотелось бы все-таки отдохнуть. Дорога от Фарнборо до Вашего, сэр, замка на автомобиле заняла времени больше, чем я думал. Этот переезд был после бессонной ночи в поезде не такой гладкий, как мягкое плавание по морю, к тому же декабрьская промозглость для нас, южан, явление не очень привычное. А я планирую в доступной для моего возраста форме принять участие в охоте.

– Что ж, приятного Вам отдыха. Смит Вас проводит, он же обеспечит всем, что Вам потребуется.

– Да кстати великий герцог фон Фалькенхайн уже прибыл?

– Нет, мы ждем его ближе к ужину. Кроме Вас прибыл барон фон Вольф, к сожалению дела государственной важности не позволяют принять участия в нашей конференции князю Александру из России.

– Жаль, я надеялся на встречу с князем Александром. При нашей последней встрече с ним в Милане он высказал ряд интересных предложений, они могли бы разнообразить работу нашей конференции. Надеюсь, что предстоящая дискуссия не сведется к финансовым отношениям и территориальным претензиям европейских правительств.

Лорд Соунсвиль сразу понял глубокомысленное замечание мудрого итальянца и по заслугам оценил его. В то же время было очевидно, что его волнует вопрос о территориях в Африке.

Ответный ход

– Смит, – обратился сэр Оливер к вошедшему секретарю, – проводите нашего гостя в его комнату.

Обед прошел спокойно, внешне дружелюбно, во взаимных похвалах. Старались о политике не говорить, больше обсуждали предстоящую охоту. Политики касались в основном в связи с Балканской войной, что, собственно, и явилось поводом для конференции. Во-первых, неожиданно для всех за три недели Турция оказалась фактически разбитой, возникла явная угроза захвата Стамбула, но державам совсем некстати было доминирование южных славян в этом регионе, так как они строили свои планы раздела «османского наследства». Сэр Оливер со своими единомышленниками спешили воспользоваться заключенным 3 декабря 1912 г. неустойчивым перемирием, чтобы разобраться в возможных действиях в сложившихся условиях.

Барон фон Вольф и граф де Пенченцио старались проявить всяческое внимание к рассказу сэра Оливера об особенностях традиционной охоты на лис в Англии, однако каждый из них думал о своем.

После обеда и сигары с отборным шотландским виски 1898 года граф Энрико пожелал пройти в библиотеку почитать Хуана Антонио Льоренто, а фон Вольф сообщил, что хотел бы подготовиться к завтрашней конференции, так как в силу чрезвычайной занятости не смог этого сделать дома в Германии. Сэр Оливер сообщил, что к ужину он ожидает из Франции графа Огюста де Жермена и из Австрии великого герцога Франца фон Фалькенхайна, которые по его сведениям прибыли одним пароходом и теперь следуют в Соунсвилль вместе.

Хотя все меры безопасности гостей были соблюдены, сэр Оливер посчитал не лишним отправить им на встречу еще один автомобиль с охраной, так как гостям предстояла поездка в темноте не только по открытой местности, но и по дороге, которую поглощали лесистые участки равнины.

На удивление хозяина Соунсвиля последние гости прибыли на место назначения в приподнятом, можно даже сказать, веселом настроении. Дело в том, что граф де Жермен в разговоре, как бы между прочим, бросил фразу о том, что Франция, порой, тяготится союзом с Россией. Герцог фон Фалькенхайн посчитал эту фразу хорошим предзнаменованием, зная настрой фон Вольфа и учитывая сложности во взаимоотношениях правительства Австро-Венгрии с правительством Франции.

Однако де Жермен не был простаком для таких безответственных заявлений. Во-первых, несмотря на франко-русский союз всем были известны проблемы взаимоотношений этих двух держав. Во-вторых, зная, что его слова уже сегодня будут переданы фон Вольфу, он надеялся, что тот станет более сдержанным в вопросе о французских кредитах России.

Ответный ход

После слов графа де Жермена настроение герцога явно улучшилось, и он всю дорогу рассказывал забавные истории из жизни властимущих Европы. Он оказался разговорчивым собеседником и хорошим рассказчиком.

Хозяин Соунсвиля, как и водится, радушно встретил гостей. Предложил какое-то время согреться у камина и выкурить по ароматной гаванской сигаре, пока их вещи будут разносить по комнатам. Лорд Соунсвиль с удовольствием подумал, что ни тот, ни другой визитер не будет приставать к нему в присутствии друг друга с преждевременными вопросами. Тем не менее, великий герцог фон Фалькенхайн при замечании де Пенчецио: «Жаль, что наша приятная встреча будет проходить в условиях печального для всех Балканского кризиса», успел с сожалением вставить: – Если Сербия добьется себе границ с Черногорьем и Грецией, это существенно заденет интересы Австро-Венгрии, но будет выигрышно для России.

Лорд Соунсвиль, не желая вдаваться в политику раньше времени, ограничился кратким замечанием.

– Для того, господа, мы и собрались здесь, – сказал он, – чтобы совместно выработать решение, которым, по возможности, оградить правительства от поспешных опрометчивых решений. – После этого он предложил гостям пройти в свои комнаты.

Замешкавшийся и вдруг почувствовавший хитрость герцога де Жермен хотел высказать что-то свое, но сэр Оливер мягко остановил его.

– Завтра, завтра, дорогой граф Огюст, все завтра, – поднимаясь с кресла сказал он, – завтра будет достаточно много времени, чтобы обсудить все вопросы.

Во время ужина сэр Оливер по приподнятому настроению гостей понял, что все они уже обосновались в замке, отдохнули и готовы к заседанию их «круглого стола». Как бы негласно решили о политике не говорить, боясь, что преждевременно и в спешке они начнут обсуждение вопросов повестки завтрашнего дня. Лорд Соунсвиль поинтересовался, кто как устроился, какие есть просьбы и пожелания, рассказал о порядке завтрашнего дня. Все высказали сожаление, что не будет князя Шахова.

В конце ужина великий герцог Франц фон Фалькенхайн неожиданно спросил «есть ли в замке привидения?»

– Наверное есть, – с улыбкой ответил сэр Оливер, при этих его словах все невольно замолчали, – но я их не встречал, так как по ночам крепко сплю и из своей комнаты не выхожу. Если же Вы, дорогие друзья, услышите ночью шаги или какие-то другие звуки, то имейте в виду, что специально охраннику с собакой предписано несколько раз по особому расписанию обходить весь замок. На улице то же всю ночь дежурит охрана. Мне доносили, что среди местных жителей ходят слухи, будто по ночам у замка

Ответный ход

можно встретить привидение, но я думаю: никто из нас ночью гулять не пойдет, – улыбнулся сэра Оливер. Что же касается привидений, то это внешняя охрана замка, одетая в белые халаты с капюшонами. Я вычитал этот прием из одной старой книги о жизни иезуитов в их монастырях. Прием примитивный, но, Вы знаете, примитив часто бывает эффективнее самых изощренных приемов. Особенно если охрана знает или чувствует, что за замком кто-то наблюдает из кустов, они начинают кружиться и размахивать халатами. Я сам наблюдал за этим представлением и, знаете, даже понимая, что это представление, возникает такое чувство..., что думаешь: «Лучше уйти от греха подальше».

Гости успокоились и вновь оживленно заговорили, каждый старался вспомнить какую-нибудь историю, связанную с бесчинством привидений, но так получалось, что каждая история заканчивалась комически и вызывала улыбку у слушателей, а иногда и откровенный смех.

– Все эти разговоры ведутся и о других древних дворцах. Ведь Соунсвилльский замок первоначально строился как военный, это уже потом он переделан в фамильный дворец лордов Соунсвилль. Поэтому он один из самых романтических замков южной Англии. Обратите внимание, – сказал сэра Оливер, – как он возвышается на холме перед обширной долиной, окаймленной холмами и поросшей перелесками. Ее территория богата охотничьими угодьями. Надеюсь, послезавтра Вы в этом убедитесь. Дворец постоянно разрастался в пределах замка, перестраивался и реконструировался каждым новым хозяином. Я тоже внес свою лепту в это дело, однако стараюсь не нарушать его старинный облик и внутренний мир, отчего о нем и ходят различные легенды, многих интригуют подземные помещения, в которых посторонние и гости не бывают, даже прислуга о них ничего не знает. Во многом это так. Но спрашивается, что делать прислуге в брошенных захламленных помещениях. Рассказывали, что в тех помещениях, порой, собираются неизвестные в округе люди и совершают таинства, после которых в долине происходят различные чудеса. Вы меня поймете, если я скажу, что действительно меня время от времени посещают друзья, с которыми мы встречаемся в помещениях будущего музея. А что касается чудес, то это явная мистификация непросвещенной толпы. Нынешний вид дворца впечатляет суровой красотой. Значительная внешняя и внутренняя части замка не используются нами и приходят в запущение, что придает им дополнительную суровость. «Я специально к этому стремлюсь,» – заметил сэра Оливер.

Сэра Оливер рассказал присутствующим о планах со временем создать в нежилых помещениях замка музей древних рыцарских орденов и тайных

Ответный ход

организаций. Для чего он постепенно приобретает древние книги, оружие, скульптуры, картины и прочие экспонаты.

– Многие поддерживают эти планы и готовы поделиться некоторыми ценностями, которыми они располагают.

После ужина сэр Оливер, извиняясь, покинул гостей на некоторое время, сославшись на необходимость отдать последние распоряжения по подготовке к завтрашнему дню. Граф де Пенченцио сказал, что его заинтересовала книга по истории испанской инквизиции и отправился в библиотеку для ее дальнейшего чтения. Граф де Жермен пожелал осмотреть достопримечательности замка, его картинную галерею и коллекцию старинного оружия. Сэр Оливер поручил Смиуту сопровождать его и быть гидом. Барон фон Вольф и герцог фон Фалькенхайн предпочли пройти в каминную залу выкурить по сигаре, куда им был подан херес.

* * *

На следующий день после завтрака участники конференции собрались за большим круглым столом библиотеки. Председательствовал сам хозяин-лорд Соунсвиль.

– Господа, – сказал он, – позволю себе напомнить, что на наших знаменах и знаменах наших друзей начертано: «Свобода, равенство, братство». Этот лозунг движет огромной массой людей в различных странах на протяжении нескольких столетий. Наша задача – осмыслить его применение в условиях особенностей нашего времени.

Было время, когда наши предшественники боролись за установление в своих государствах конституции. Сегодня эта ступень зрелости достигнута, там, где нет конституции, во многих странах разработаны такие своды законов, которые в сумме дают фактически конституции, где нет ни того, ни другого – тирания и попрание личности. Там ради интересов государства и отдельных правящих групп нарушаются права человека и те ценности, которые общеприняты во всем цивилизованном мире.

Сегодня в Европе сложилась критическая ситуация, вылившаяся в Балканский кризис. В чем ее причина? В том, что отдельные государства не заботясь о правах своих соседей выступают с амбициозных позиций. Их мало волнует процветание Европы в целом, а более заботят эгоистические интересы. Поэтому мы должны указать миру, что каждый человек, каждое государство, имея свои естественные права, не должны в своих действиях и претензиях ущемлять права соседей.

Участники конференции внимательно слушали лорда Соунсвиля, так как понимали, что начало его доклада будет основой предстоящей дискуссии.

Ответный ход

Вскоре направленность доклада проявилась в полной мере. Речь шла о политике «баланса сил» в Европе – идее, витавшей в воздухе и так или иначе начавшей дискутировать.

В ближайшие полчаса лорд Соунсвиль подробно прокомментировал тезисы, которые в том или ином виде он высказывал в различных беседах. Привел поучительные и злободневные примеры. Поэтому участники уже не столько слушали его, сколько обдумывали свои выступления.

Они, люди посвященные во многие тайны политики и международных отношений, психологически не могли понять, как этот аморфный баланс сил может отвечать интересам всех государств сразу, если у каждого из них есть свои интересы и потребности, свои экономические и политические традиции? В мире давно действуют иные принципы, понятные и простые. Главный из них рожден суровой прозой жизни: «Вместе бить, врозь идти», вот он-то и обеспечивал «баланс сил». Все понимали, что союзы между государствами порождены не любовью этих государств друг к другу – это акты необходимых и неизбежных мер в целях укрепления положения каждого из союзников. Политические деятели могли говорить в адрес друг друга всякие лестные слова, но каждый из них готов был бросить бомбу под ноги своему сегодняшнему партнеру.

– Не может не беспокоить позиция Германии, – продолжал свой доклад лорд Соунсвиль.

При этих словах барон фон Вольф чуть не подпрыгнул в своем кресле. Он готов был поддерживать принцип «баланс сил», но отказывался признать справедливым то положение, что Германия будет равной в тех стесненных границах, в которых она сегодня находится, а Россия – полуварварское государство будет владеть огромной территорией в Европе, Азии, на Балканах и на Дальнем Востоке. Вообще он давно и искренне был убежден, что экономические проблемы и неэффективное управление Россией связаны с ее огромными масштабами. «На мой взгляд, – любил повторять он, – огромные территории России не благо для нее, а суровое наказание судьбы. Посмотрите, как малые государства Европы живут и процветают. Это от того, что те земли, которыми они владеют, под силу обработать их населению. Территории России не под силу освоить русскому мужику, поэтому он хозяйствует на них кое-как».

– Германия хочет доминировать в Европе. Но Англия всячески стремится не допустить этого. Поэтому она оказалась союзницей России и Франции в рамках «сердечного соглашения». Антанта стала фактором стабильности в Европе.

Лорд Соунсвиль чувствовал, что его доклад затягивается, а участникам не терпится скорее выступить самим, поэтому он еще какое-то время

Ответный ход

порассуждал о перипетиях международной политики, главными из которых были проблемы недопущения России в Европу, так как ее массы, не познавшие плодов цивилизации, способны так дестабилизировать европейскую жизнь, что Европа сама может надолго перестать быть очагом цивилизации. В заключении он подчеркнул:

– Мы не можем напрямую вмешиваться в дела европейских правительств, но с помощью наших высокопоставленных друзей должны не ослаблять, а усиливать свое влияние на них.

После доклада лорда Соунсвиля слово попросил барон Отто фон Вольф. Было очевидно, что ему не терпится высказаться и он готов отстаивать свою позицию.

– Я и мои друзья в Германии, – сказал он, – давно участвуем и поддерживаем деятельность конференции «круглого стола», уважаем и принимаем ее решения. Надеюсь и сегодняшняя встреча окажется плодотворной.

Для меня, – не в силах сдержать себя, решительно перешел он к основной части выступления, – главным вопросом остается «русский вопрос». Русско-японская война ослабила Россию, подорвала ее престиж. Думаю, что в поражении России свою роль сыграл англо-японский договор 1902 г. Да, Россия уже не та, но она ослабла не настолько, чтобы не участвовать в делах Европы и мировой политики.

Со смертью П.А.Столыпина реформирование в России было приостановлено. Однако, если внимательно посмотреть, то можно заметить, что темпы ее развития и модернизация в различных сферах жизни продолжают развиваться независимо от воли отдельных личностей. Значит, прогнозы о доминировании России в Европе через двадцать лет остаются в силе.

– Какие двадцать лет? – не выдержал граф Жермен, – Европа стоит на грани большой войны. Балканы уже воюют.

– Балканский кризис, действительно – предвестник большой войны. И что примечательно, как бы ни сложилась ситуация в конечном итоге германским народам придется воевать со славянским миром. Поэтому, говоря о «балансе сил», необходимо исходить из важности поддержки и укрепления Германии сегодня, чтобы она смогла бы завтра выполнить свою историческую миссию.

Заявлением барона фон Вольфа участники конференции были немало удивлены. Никто не ожидал, что он фактически призовет их поддержать стремление Германии к доминированию в Европе руками самих же европейцев, да еще под знаменем «баланса сил». «Конечно, – саркастически подумал де Жермен, – Франция и Англия прекратят кредитование России и

Ответный ход

расширят среду возможности Германии, а с началом большой войны та же расширившая Германия нападет на Францию. Ну, барон, ну, фантазер! Неужели он так буквально принимает принцип «баланса сил» или нас за дураков держит?»

Граф Огюст мельком взглянул на сэра Оливера, по его лицу пробежала мало заметная улыбка, и граф понял, что сэр Оливер думает о том же, что и он.

– Граф, – обратился он де Жермену, – вы хотели бы выступить?

– Да, сэр. Господа, – обратился он к участникам, – барон фон Вольф прямо поставил вопросы и нам следует серьезно над ними задуматься. Я благодарю барона за искренность и честность участия в нашем деле. Однако, не во всем могу с ним согласиться. Буду откровенен. Как складывались союзы государств в Европе? Очевидно, что стратегически России и Германии выгодней союзнические отношения, чем противостояние. Но амбиции правительства Германии, я подчеркиваю амбиции правительства, а не общественных сил, оттолкнули Россию от германского мира. Тогда Франция, затем Англия приняли ее, если так можно сказать, под свое крыло. Теперь Франция и Англия стремятся контролировать правительство России. Такова объективная расстановка сил. И нет оснований менять ситуацию, тем более, что в обозримом будущем встанет вопрос об «османском наследстве», и неконтролируемая Россия может нарушить все наши планы в отношении Османской империи.

Далее Огюст де Жермен долго и нудно рассуждал о колониальном мире и, если участники, что и поняли из этих рассуждений, так это то, что без передела колониального мира «баланса сил» в Европе не достичь. «Все заявляют о своей приверженности принципа «баланса сил», – констатировал про себя лорд Соунсвиль, – но при условии: каждый хочет получить свое. Тем лучше, во всяком случае настроение каждого становится понятным, Англии остается учитывать эти настроения при стратегическом планировании и выравнивании положения европейских держав мерилom «баланса сил». После того, как граф де Жермен закончил, лорд Соунсвиль обратился к участникам с предложением сделать небольшой перерыв, выпить по чашечке кофе и выкурить сигары. Возражений не было. Только граф де Пенченцио задал вопрос.

– Сэр Оливер, – обратился он к лорду Соунсвиллю, – а почему нет наших друзей из Америки? Они сознательно не приглашены или не смогли прибыть?

– Когда мы обдумывали, – уже заучено повторил свой ответ сэр Оливер, – участие наших друзей американцев, то сошлись на мнении, что оно будет лишним, так как у нас свои чисто европейские проблемы, а американские участники невольно могут увести дискуссию в русло более общих или

Ответный ход

теоретических проблем. Да они и сами не настаивали на участии, но просили иметь ввиду, что если будут затронуты вопросы большой войны в Европе, то Америка постарается воздержаться от участия в ней. «Дело Америки – бизнес и торговля, – было сказано мне, – а не война». Принцип «баланса сил» они всячески поддерживают, так как он соответствует целям торговли. Я, в свою очередь, обещал ознакомить наших друзей с основными решениями конференции.

– Очень хорошее решение, – удовлетворенно заметил де Пенченцио, – тем более, что здесь собралась очень представительная публика, способная самостоятельно высококвалифицированно обсудить будущее Европы. Жаль только, князя Александр Петровича нет с нами, его позиция очень интересна для полноты обсуждения.

Пока участники переходили в каминную залу все озабочено пытались понять, что это старый и мудрый граф Энрико вспомнил об американцах? Это не случайно. «Хитрый «карбонарий» не будет так просто загружать ничье внимание пустыми вопросами. Спросил вроде об американцах, – рассуждал фон Вольф, – а сожалел об отсутствующем князе Шахове, то есть о России, а если быть точным, то о противостоянии России и Германии». «Как удачно этот старый лис, – думал граф Огюст, – поддел этого заносчивого барона, когда сказал о будущем Европы, а не ее отдельных государств». «Слава Богу, что князя отозвали назад в Россию, – радовался фон Фалькенхайн, – морочил бы нам сейчас голову нектати Балканским кризисом и положением «братьев славян», которые того и гляди вопрутятся в Константинополь. Вот уж подарок будет России, подарок, так подарок. Хотя Россия и сама мечтает о Константинополе». «Очень кстати, – решил сэр Оливер, – граф Энрико задал вопрос об американцах, наверняка знал их позицию, но дал возможность мне высказать ее в пику германского негодования по кредитной политике в отношении России».

– Дорогие друзья, – обратился сэр Оливер к присутствующим. – Посмотрите в окно, устоялась солнечная погода, и вся долина видна, как на ладони.

Во дворце Соунсвилль не раз останавливались именитые гости, представители королевской семьи Великобритании и все они постоянно восхищались окружающими замок голландским и итальянским садами с красивыми деревьями, тенистыми аллеями, цветниками из роз. Эти сады полны ухоженных клумб, а район «дикого сада» – самый настоящий лес, в котором выращивают экзотические деревья.

У меня работает целая армия лесничих и садоводов, поэтому в поместье безупречно спланированы парк и сады. Здесь есть все: и прелестные прогулочные тропы, и цветники, протянувшиеся до дальних прудов. На всем

Ответный ход

их протяжении обнаруживаются великолепные скульптуры, фонтаны и прочие признаки пышности и великолепия.

Сэр Оливер поделился своими сокровенными планами со временем восстановить для туристов древний, подземный лабиринт тоннелей...

Все собравшиеся у огромного балконного окна восхищенно слушали сэра Оливера, а про себя думали, что на те огромные средства, которые «качает» из Индии младший брат сэра Оливера, служащий там при английской королевской миссии – преемнице Ост-Индийской компании, и субсидии правительства можно себе позволить и музеи, и парки с клумбами. Лорд Соунсвилль как будто подслушал эти мысли: «Практически все эти земли не совсем мои. Графство передало мне их в управление, зная, что я ратую за превращение их в заповедную зону».

Через полчаса заседание было продолжено. Его начал великий герцог Франц фон Фалькенхайн. После напряженного утреннего заседания и расслабляющего действия сигары и кофе с ликером ему уже не хотелось опять поднимать бурю по конфликтным проблемам. В конце концов главное уже было сказано. Поэтому он решил поговорить по вопросам иного порядка, но не менее значимым и имеющим стратегическое значение.

– Господа, – сказал он, – все о чем сегодня уже говорилось, безусловно, волнует не только нас, но и Европу, однако есть и другие проблемы, внешне не такие острые, но имеющие стратегическое значение.

Участники с интересом и вопросительно посмотрели на герцога. Все ожидали услышать его понимание затронутых проблем и приготовились услышать очередное неудовольствие, теперь австрийское, складывающейся ситуацией. Но оказывается их ожидает нечто иное, не менее важное.

– Все мы призваны, – продолжал фон Фалькенхайн, – нести цивилизацию отстающим народам. Распространение среди них плодов культуры и достижений цивилизованного мира будет способствовать объединению Европы и лучшему пониманию народами друг друга. А это в конце концов отразится на принятии политических решений.

Сегодня уже не раз говорилось, что Россия готовится к доминированию в Европе, а что это значит? Полудикое население России будет диктовать нам свои условия. Я не говорю о тонкой прослойке просвещенной интеллигенции, но нам придется иметь дело с массой промышленников и купцов, которые еще только-только расстались со своей деревней и сменили кафтаны и лапти на европейское платье, под которым осталась душа хама и дикаря.

То, что великий герцог не любит Россию и русский народ, всем участникам было давно известно. Теперь при его словах о русском мужике в смокинге стало проясняться, куда он клонит: сдерживание России через

Ответный ход

европейское просвещение. Вопрос оказался серьезнее, чем все подумали, когда герцог сказал о цивилизаторской миссии.

– Обратите внимания, господа, Столыпин в свое время вопрос об образовании и просвещении поставил в ряд со стратегическими задачами своей программы реформ, а, значит, он понимал, кому предстоит в обозримом будущем править Россией. И это на фоне разорения, обнищания и ухода от деловой активности значительной массы обезземелившегося дворянства.

Те же проблемы могут ожидать нас и на Балканах, где все чаще можно столкнуться с «панславянскими» идеями. Османская империя на грани развала. Кто взамен ее будет руководить здесь славянским миром?

Я считаю, что названные мной обстоятельства способны оказать влияние на «баланс сил», о котором сегодня много говорилось. Лорд Соунсвиль прав, что иногда нам нужно отвлекаться от наших внутренних проблем и взглянуть на будущее Европы как-бы со стороны и подумать, ведь не только силой оружия достигаются цели политики, хотя, как говорили раньше, «война последний довод королей».

Когда фон Фалькенхайн закончил свое выступление, лорд Соунсвиль поблагодарил его от имени всех участников за то, что он оживил их дискуссию новым и действительно важным аспектом рассматриваемой проблемы.

– Обратите внимание господа, – подчеркнул он, – какой бы вопрос не поднимался, все они вписываются в контекст обсуждаемых проблем. Это свидетельствует о том, что затронутые проблемы действительно назрели и требуют своего решения.

Ну а теперь позвольте, господа, передать слово нашему другу из Италии – старейшему участнику конференции «круглого стола». С нетерпением ждем Вашего слова, уважаемый граф де Пенченцио.

– Я действительно участвовал почти во всех конференциях «круглого стола», мало того, был одним из инициаторов их проведения.

Участники с видимым удовольствием поаплодировали графу.

– Я помню еще последних карбонариев, – ударился он в воспоминания слегка прикрыв глаза, – а в годы Рисорджименто был лично знаком с Джузеппе Мадзини и много времени провел во дворце графа Кавура. Это были великие люди, хотя Мадзини так и не понял, что антиправительственный заговор – это не метод борьбы. Малейшая неловкость, малейшее предательство и годы его подготовки пропадают зря, а сколько погибло прекрасных молодых людей. Вот я и боюсь, как бы нам не предстать в виде таких заговорщиков? Своей жизни не так жалко, жалко наши идеи будут скомпрометированы и восторжествует реакция или

Ответный ход

радикализм. Поэтому мы должны действовать не против наших правительств и парламентов, а совместно с ними, насколько возможно направлять их деятельность, убеждать в целесообразности или, наоборот, в ошибочности тех или иных решений. Я думаю, опыт наших американских друзей в этом всем нам полезен и мы должны учиться у них.

Слушая графа де Пенченцио все участники согласно кивали головами. А месье де Жермен даже успел шепнуть сэру Оливеру, что в этом граф абсолютно прав, иногда члены правительства отказываются признавать, казалось бы, очевидные вещи и все потому, что они не готовы мыслить таким образом. У них важно формировать новое мышление.

– Я постараюсь быть краток по проблемам войны, – продолжал граф де Пенченцио, – так как в процессе нашей работы обнаружились вещи очевидные. Мы выяснили, что война в Европе неизбежна, так как Германия не намерена терпеть быстрых темпов развития России. Попутно замечу, что война назрела из-за противоречий и в колониальном мире.

Итак, Россия и Германия. Германия стремится к гегемонии в Европе, поэтому ей не нравится кредитная политика, хотя сама она предоставляет России и кредиты, и займы. При росте темпов развития России и кредиты, и займы неизбежно, несмотря на недовольство Германии, будут продолжать расти. Значит будут расти франко-германские противоречия – это еще один возможный военный узел. Нам важно проанализировать: пойдет ли Германия на войну на два фронта или нет и, если пойдет, то какой окажется расстановка сил в этой войне. Очевидно, мы должны всячески амортизировать возможные последствия военного катаклизма.

У барона фон Вольфа округлились глаза от напряжения, с которым он вслушивался в речь графа. Он подолгу не мигая смотрел на него, затем, так же не мигая, на графа Жермена, как бы вопрошая, «неужели все так безнадежно плохо для Германии?»

Невинным взглядом де Жермен как бы хотел сказать фон Вольфу: «Дорогой Отто, утешьтесь, такова проза жизни, и лично я здесь не причем, а все мы бессильны переломить ход истории, мы можем только раскрасить историю своими красками». Затем потупил взгляд и злорадно подумал: «Получите, дорогой друг, что посеяли, то и пожинайте. Как Вы вообще могли подумать, что Франция остановит свои инвестиции в Россию, да еще ради Ваших амбициозных гегемонистских устремлений? Нет уж, пусть русские обомнут бока Германии, а мы с Англией сбалансируем послевоенную Европу таким образом, чтобы отбить кайзеру охоту посягать на чужое, а Россию с ее «процветанием» заставим сменить военные сапоги на мужицкие лапти».

– Обратите внимание дорогие друзья, – продолжал спокойным почти безразличным голосом граф де Пенченцио, – помимо собственно темпов

Ответный ход

развития России в ней происходят широкомасштабные структурные социальные перемены. К примеру, по имеющимся у меня данным, по реформе П.А. Столыпина бедняки, вышедшие из общины с землей, вскоре стали ее продавать, так как у них не хватало тягловой скотины, рабочего инвентаря, средств и многого другого, чего необходимо для самостоятельного ведения хозяйства. А эту землю перехватывали сильные единоличные крестьяне.

Так вот представьте себе: сегодня эта огромная масса неорганизованных мужиков перековывается в городах в плотные ряды рабочих. А рабочий – это не крестьянин. Это почти готовый солдат. Завтра его переоденут в шинель и дадут винтовку. И русский мужик завтра будет уже другой. В окопе он будет думать не о «царе, родине и вере», он будет воевать за свою, а не за барскую землю. Уже сейчас богатые крестьяне скупили почти 20% земли у дворян. А что будет завтра?

Я это говорю к тому, что с войной тянуть нельзя, нужно ускорить процесс ее вызревания.

– Дорогие друзья, – взял слово сам лорд Соунсвиль после того, как участники перевели дыхание от напряжения, вызванного докладом графа де Пенченцио, и обмолвились между собой общим впечатлением от услышанного, – мы выслушали каждого участника нашей встречи и, думаю, все Вы согласитесь, что время было потрачено не зря, теперь нам есть, что сказать нашим друзьям в мире. Я бы хотел от себя сделать дополнения. Исповедуя принципы «баланса сил», мы не следуем воле какого-либо политического деятеля или группы политиков. Этот принцип так или иначе срабатывал на протяжении нескольких столетий. Возьмем несколько примеров из прошлого. Стоило какому-либо государству возвыситься над другими или только заявить о таком намерении, как Европа объединялась против него. В XVII в. мир пережил «тридцатилетнюю войну» 1618–1648 гг., в XVIII– начале XIX в. – войну за испанское наследство в 1793–1815 гг., в XIX в. – Крымскую войну 1853–1856 гг. Это отдельные примеры. С конца XIX в. мы наблюдаем в Европе те же процессы, которые в прошлом приводили к большим войнам. При этом, как правило, правительства с неохотой идут на развязывание войн, но они вынуждены следовать логике развития событий.

Сегодня в правительстве Великобритании больше противников, чем сторонников войны. Я думаю, что если бы Германия отказалась от нападения на Францию, то партия мира в правительстве объявила бы нейтралитет, и дело ограничилось бы двусторонним русско-германским конфликтом.

Сэр Оливер сделал паузу и посмотрел по очереди на всех участников, на их лицах явно было выражено недоумение и вопрос. Сегодня уже не раз

Ответный ход

приходилось слушать неожиданные заявления, но чтобы так вот просто сказать: воюйте друг с другом, а нас не трожьте, мы вроде как, ни причем...? Хотя интересы каждого были известны всем.

– А если вооруженная до зубов Франция, когда Германия завязнет в бескрайних просторах России, – произвольно, ни к кому не обращаясь, медленно проговорил фон Вольф, – ударит Германии в тыл, что будет тогда?

Теперь все участники с жалостью и сожалением обратили свои взоры на барона, а затем, ожидая ответа, снова на сэра Оливера, который сидел с невозмутимым лицом.

– Но такое вряд ли произойдет, – «утешил» всех докладчик. – Это гипотетическое предложение. А проза жизни такова, что серьезные испытания и лишения придется пережить всем нам. Поэтому меня беспокоит вопрос о деятельности радикальных элементов в странах Европы. Они не преминут воспользоваться послевоенными трудностями, и Европа погрузится в хаос. Послевоенные экономические трудности придется пережить и победителям, и побежденным, так как потребуются несколько лет на перестройку экономики с военного на мирный лад. Но простые люди этого не понимают и не хотят понимать. Они хотят есть сегодня и сегодня жить в тепле и уюте. Этим и воспользуются радикалы-демагоги.

– Да они уже сейчас, – опять не выдержал фон Вольф, – перевирают всю международную политику и смущают сознание простых граждан.

– Ваше замечание, дорогой барон, очень кстати. Я считаю, что уже сейчас мы должны активизировать наши действия внутри всяких радикальных движений, чтобы они говорили с массами нашим языком, а не языком социалистов. Тогда страны и народы придут к «мягким» революциям, вооруженные нашими идеями, а не экстремизмом радикалов, и сложится доброжелательная атмосфера для балансирования во имя мира и прогресса. Тогда люди будут чтить наш лозунг: «Частная собственность священна и неприкосновенна» и не будут призывать оболваненные толпы народа к «экспроприации экспроприаторов».

Господа на этом я закончу. И хочу сделать два предложения. Первое, наше послеобеденное заседание провести в форме свободной беседы по обсуждению заслушанных выступлений. Второе, поручить моему секретарю Смитю обобщить заслушанные выступления и сформулировать наши рекомендации, насколько это возможно. Часа через два, два с половиной, надеюсь, текст будет готов и роздан вам. В течении получаса, сорока минут изучите его и мы до ужина обсудим этот материал. Окончательный текст разошлем нашим друзьям, но возьмем с них обязательство, что при распространении его источник, то есть мы с Вами, останется неизвестным. И еще, надо позаботиться о подготовке фальсифицированного варианта этого

Ответный ход

документа и устроить его утечку с тем, чтобы запутать кого надо в Европе, но так запутать, чтобы от этого, опять же, была польза нашему делу. У меня есть специалисты по таким трюкам, и они хорошо знают на кого и как нужно воздействовать.

Участники конференции хорошо знали сэра Оливера в этом отношении и полностью ему доверяли, поэтому они поддержали его предложение и разошлись в томительном ожидании аппетитного, зная изысканный вкус хозяина, обеда. И только барон фон Вольф, казалось, ни на минуту не расслабляясь подошел к лорду Соунсвилю и, чтобы никто не слышал его, попросил разрешения позвонить.

– Что-нибудь случилось? – спросил сэр Оливер.

– Нет, но по всей видимости мне не придется участвовать в завтрашней охоте, так как дела, нетерпящие отлагательства, ожидают меня на работе. Человек я военный, на службе, к тому же не хотелось, чтобы в Берлине лишние люди узнали о моем длительном отсутствии. По этому поводу могут возникнуть ненужные разговоры. Я хочу позвонить в Саутгемптон, узнать, нет ли билета на какой-либо ночной пароход?

– Жаль. Но Вам, дорогой Отто, виднее. Смит, – позвал лорд секретаря, – проводите господина барона и помогите связаться ему с портом, – а про себя подумал: "Совсем у фон Вольфа настроение испортилось, ну так пусть уезжает и не портит его остальным. Главное, что обсуждение всех вопросов состоялось при нем, и настроение немцев стало известно нам из первых уст".

– Хитрый лорд, – подумал, в свою очередь фон Вольф, – приставил ко мне своего шпиона Смита. В порту и на пароходе наверняка меня то же будут сопровождать его люди. Боится, как бы я раньше времени не болтнул кому-нибудь лишнего. Что ж, в конечном счете он прав. Я бы поступил так же.

После переговоров со Саутгемптоном барон Вольф вновь подошел к лорду Соунсвилю и, отозвав его в сторону, сообщил, что он заказал билет на ночной рейс и хотел бы через час-полтора после ужина тихо, не прощаясь с участниками, чтобы не вызывать лишних церемоний, отправиться в путь.

– Хорошо, я дам указания, что бы Вам вовремя снарядили автомобиль и выделю до порта охрану.

* * *

После обеда место Смита рядом с лордом Соунсвилем занял его второй секретарь.

– Хопкинс, – представил его сэр Оливер.

Ответный ход

– Дорогие друзья! Как мы договорились, у нас есть примерно один час тридцать минут, которые мы потратим на обсуждение наших же выступлений.

Не вдаваясь в подробности, участники, в основном, излагали слабые места, на их взгляд, в выступлениях других и стремились закрепить свои позиции. Делали они это деликатно, стараясь применять мягкие выражения, чтобы не прослыть твердолобыми упрямыми, не желающими считаться с иными мнениями и не понимающими существа обсуждаемых проблем. Все сошлись на том, что нужно четко прописать недопустимость доминирования какого-либо государства в Европе, что послужит, по их мнению, стремлениям России, а противники реформ увидят в этом международную поддержку их противостоянию нововведениям.

В шестнадцать двадцать в кабинет вошел Смит с кипой бумаг. Доложил лорду Соунсвилю, что задание выполнено. Лорд распорядился раздать текст участникам и один оставил себе.

– Господа, – обратился он к участникам, – текст нашего коммюнике готов. Думаю за тридцать сорок минут Вы изучите его, сделаете свои замечания и дадите предложения.

Все остались читать на месте кроме барона фон Вольфа, который заявил, что с сигарой ему лучше будет работаться, и попросил разрешения у хозяина пройти в сигарную комнату.

При чтении коммюнике участникам стало очевидно, что основной текст был составлен до начала конференции, а теперь он скорректирован в соответствии с выступлениями. Каждый из присутствующих с удовольствием отметил, что его участие в конференции никак не обнаруживается, а изложенные проблемы и пути их решения выдвинуты единогласно и не вызывают дискуссии, что придавало документу основательность и психологически заставляло стороннего читателя положиться на изложенное в нем авторитетное мнение.

Когда в кабинете вновь появился барон фон Вольф, то остальные участники фактически уже завершили чтение.

– Господин лорд, – присаживаясь на свое место, обратился он к сэру Оливеру, – если все уже завершили чтение, позвольте мне высказать свое мнение?

– Да, конечно.

– Господа, – прямо глядя на аудиторию так, что все поняли – барон, как всегда, недоволен, твердо, но доброжелательно он отметил, что документ ему понравился и замечаний у него нет. Однако заметил, что называть его коммюнике нецелесообразно, так как это может вызвать вопросы: коммюнике «чье», «о чем»... , а известно, что лишние вопросы никому, никогда не

Ответный ход

нужны. «И еще, – сказал он, – документ можно было бы подсократить за счет некоторых комментариев. Пусть читатели сами думают, почему и зачем выдвинут тот или иной тезис, и сами решают, как его лучше обосновать, тогда каждый приведет свои аргументы, но все возможные мнения сведутся к одному и тому же».

Позицию фон Вольфа поддержал де Пенченцио.

– И вообще, – подчеркнул он, – вариант документа, который пойдет как утечка информации, можно было бы никак не называть или придумать ему какое-то дурацкое журналистское название, а текст сделать путанным и не во всем понятным.

Великий герцог фон Фалькенхайн и граф де Жермен согласились с этими предложениями и внесли в текст несколько своих незначительных поправок. Лорд Соунсвиль остался доволен.

– Дорогие друзья, – сказал он, – мне пришла в голову интересная идея: скоро должен состояться визит из Америки президента Вудро Вильса. Он намерен прочитать серию лекций в нескольких университетах Европы о международной жизни. Я знаю мистера Вильса – это порядочный, очень грамотный человек, к тому же известный профессор, правда он несколько наивен в своих научных построениях, пацифист. Думаю, он с пониманием отнесется к просьбе включить наш доклад в курс лекций. Мы ему заплатим гонорар и получим официальный источник нашего материала. И хорошо, что наш материал будет обнаружен не европейцем, а лицом из Америки.

– Прекрасная идея, – поспешил поддержать предложение сэра Оливера герцог фон Фалькенхайн, – я тоже знаком с Вудро Вильсом, на него можно положиться. Наши друзья в Америке иногда обращаются к нему с деликатными просьбами, и всегда он выполнял их превосходно, особенно за гонорар.

На том и порешили.

* * *

Приготовления к охоте начались сразу после раннего завтрака. Сэр Оливер сообщил, что они объединятся еще с несколькими группами охотников, проживающими в этой части долины Соунсвиль. Командовать будет сам главный егерь охотхозяйства долины.

– Так будет удобно всем: никто никому не будет мешать, наша группа не будет выделяться из остальных и не привлечет лишнего внимания, фронт охоты расширится, значит можно будет загнать значительно больше лисиц, нежели чем охотиться своей отдельной группой.

Ответный ход

А в это время барон фон Вольф уже пересаживался во Франции с парохода на поезд до Берлина через Париж. Пока его «друзья» развлекались на охоте, его продолжала мучить мысль о будущем развитии событий. В порту он купил лондонскую «Таймс», которая сообщала тревожные новости с Балкан. Он обратил внимание на сообщение автора специального комментария о том, что Россия явно нервничает при мысли, что болгарская армия в скором времени может оказаться в Константинополе, а Санкт-Петербург не желает видеть там никого, кроме своих казаков и своего посольства.

– Вот она действительность, – думал барон, – а лорд Соунсвилль думает, что Россию можно так просто утихомирить и сдержать ее устремления и это притом, что она еще не реализовала программу перевооружения. «Охотники», – саркастически ухмыльнулся фон Вольф, – думают, что Россия – это та же лисица, которую будет гнать германская армия, а они будут на лужайке встречать своими железными объятиями измотанных погоней лисиц и загонщиков. Посмотрим, кто кого загонит и кто будет диктовать условия баланса сил. Для начала мы предложим «блицкриг» Бельгии и Франции, а после падения главного союзника России в Европе разберемся и с ней.

Отто фон Вольф устроился поудобнее у окна и стал смотреть на проплывавшие в нем леса и поля, иногда поезд с грохотом переезжал через речки. Чем больше на восток продвигался он, тем чаще стали встречаться деревни и городишки. Однако со временем это однообразное занятие ему наскучило и он заснул, так сидя у окна. И снился барону странный сон, как будто оказался он в поле, и вдруг неизвестно откуда выскочил на него здоровенный с бородищей и красной мордой казачина на коне. Барон испугался и бросился бежать. Тогда казак выхватил огромную шашку и стал размахивать ей у него за спиной, но все никак не мог дотянуться. Вот махнул казак шашкой со всей силой и опять не дотянулся, только достал до ремня, который развалился на две части, португепя обвисла на нем и мешала бежать. А казак все гонится и фон Отто слышит за спиной его тяжелое дыхание, аж хрипит казак от злости, зубами скрипит. Опять махнул он шашкой и снова не дотянулся, но разрезал ему пояс на брюках, брюки соскочили до колен и то же мешали бежать. Кое как барон сбросил сапоги и эти злосчастные брюки, пока казак замешкал на минуту убирая в ножны шашку и доставая копье, и побежал дальше. Вдруг видит из ближайших кустов выглядывают англичане с французами, сами улыбаются, широко разводят руками и зовут барона к себе. В этот момент послышалось стрекотание самолета в небе, и раздался из него трубный голос: «баланс сил наступил». От этого гласа конь казака споткнулся, казак упал и исчез, а в кустах уже стоят столы, а за ними сидят англичане с французами и другие народы, хотя русских там не видно.

Ответный ход

Посмотрел барон на стол, а на нем дымится огромный пышный пирог. Сэр Оливер нарежает его крупными и мелкими кусками, а все остальные тянут свои руки и хватают по куску. Протянул свою руку и фон Отто, но сидящий рядом граф Огюст де Жермен стукнул по ней и говорит: «А ты куда тянешься? Тебе ничего не досталось». Все засмеялись.

– Соберите этому бесштанному оставшиеся крошки, – смеясь, приказал лорд Соунсвиль, – он хоть и не захотел охотиться с нами на лис, но мы не можем оставить его без его куска «баланса сил», мы же цивилизованные люди и должны нести варварам свет нашей цивилизации.

На одном из виражей вагон здорово качнуло, и барон Отто фон Вольф проснулся. «Надо же, какая чепуха приснилась? Хотя все это может оказаться не чепухой. Эти радители цивилизации могут и штаны стянуть ради ее процветания, хочешь ты того или нет».

P.S. Через несколько дней лондонская «Таймс» сообщала: «В Англии начиная с 4 ноября продолжается очередной сезон охоты на лис. Сотни охотников по стране покидают свои жилища и направляются в леса и долины в надежде на ее успешные результаты... На днях на юге страны жители долины Соунсвиль объединились в одну большую команду и единым фронтом добыли полтора десятка лисиц. Это самый большой трофей за сезон. В охоте принимал участие сам лорд сэр Оливер Соунсвиль...».